

Интервью с Пойгиной Натальей Георгиевной

1907 г. р. Краснодар

Москва 5.II.90

исп. Моргачёва Т.

Н.Г.: Жила с мужем очень хорошо, и всё там, каждый дом напоминал мне моё прошлое. И я не могу, не могу бывать в Ленинграде, Всё бываю по необходимости там. А жила я в Ленинграде - 2 Советская улица. И вот в этом году когда я была в Ленинграде - сестра моя болела, ей делали операцию глаза - картаракту снимали, я была в Ленинграде - меня потянуло туда, на свою квартиру. Я вошла в дом, в квартиру не входила, потому что там была закрыта дверь, никто мне не ответил на звонок, но на меня это такое впечатление произвело, что я таких экспериментов делать не буду. Вот так я стала москвичкой.

Я: Да, я вот встречалась с Софьей Ильиничной Зельдич, она тоже бывшая ленинградка, сейчас живёт в Москве.

Н.Г.: Сонечка Зельдич? Господи, она здесь? Как интересно!

Я: Да, она в Москве.

Н.Г.: Это она ногу сломала? Вы мне непременно дайте её телефон, я ей обязательно позвоню.

Я: Давайте, прямо сейчас запишите...

Н.Г.: Может быть, она меня не помнит, но я её очень хорошо помню. Такая небольшого роста, Сонечка... Кто там ещё был? Тамара Николаевна, это вы знаете / Римская-Корсакова-Т.М./. Мария Николаевна Юнг, это вы тоже знаете.

Я: Да, только я как-то не могу с ней встретиться.

Н.Г.: Почему?

Я: Я ей звоню, но никак не дозвонюсь.

Н.Г.: Она была у меня в прошлом году, здесь. Она-то была москвичка, я-то ленинградка, а она москвичка. Теперь поменялись.

Ещё там была Баровская Зинаида, дальше не помню. Может быть, она и не жива сейчас, она была старше нас. Вот она тоже была ленинградка. Она преподаватель не то английского, не то французского, одного из языков, по-моему французского, мы там с ней немножечко даже разговаривали.

Я: Наталья Георгиевна, давайте начнём с самого начала. Где вы родились?

Н.Г.: Я родилась в Краснодаре. Но если говорить о детстве, например, то у меня были очень, как это сказать... У папы была сестра, с которой он очень дружил, у папы моего была очень большая семья, пять человек детей, он один работал. Мы считались очень бедными, но у нас всё было, мама не работала и вот папина сестра была замужем в Ростове-на-Дону за управляющим Волжско-Камским коммерческим банком. Это была очень крупная фигура и они были очень состоятельные люди. Папина сестра предложила, папа отказался, но мама поддержала в том что девочкам - я и моя сестра... А у них был один мальчик, чтобы он не был эгоистом, и чтобы ему не было скучно, тётя решила нас воспитывать, мне было шесть лет когда меня взяли из дома, а сестре было девять. И мы переехали в Ростов-на-Дону. И мы воспитывались очень по тем временам хорошо, а уж тем более по этим. У нас была гувернантка, француженка, у их сына был гувернёр, который с ними занимался, мы изучали языки, музыку, танцы, конечно уроки были - приходили учителя домой. Вот так мы жили.

До революции. Мне ведь восемьдесят три года. А потом, когда была революция, я была маленькая - семь лет, там мы переехали в Геленджик, у них была собственная дача в Геленджике, мы жили в Геленджике, дядя был очень крупный специалист, он и при советской власти работал в банке. Ну а по-

том постепенно, постепенно, сын пошёл в мореходное училище - мой брат Мика, разъехались учиться. Я - в Ленинград, Кончила школу экстерном, потому что дома учителя были, сдала экзамены и поехала в Ленинград учиться, в Университет. Вот так и подолзли мы к тому, что было. Они потом переехали сюда, у моей тёти была дочь, которая была замужем за очень крупным писателем, он не писал романы, а писал только книги, исследования об искусстве, о театре, очень крупный театролог, его знали даже за границей, большой друг Бунина, он активно не принял революцию, но писал то, что нужно, и, конечно он ни званий не имел, ничего, кроме этой квартиры, но печатали его. Показать? А теперь все ушли, я осталась в Москве одна, по-существу. Мне сестра говорит - надо переезжать в Ленинград, а я - ни за что. Хотя очень тяжело, одиночество невероятное. И тем не менее я не могу перешагнуть эту черту.

А дальше было так - я вышла замуж. Мой муж - старший научный сотрудник научно-исследовательского института механизации труда. Мы жили с ним вот на этой Второй Советской, у него была дочь, она жила с нами, ей было 12 лет, Юля. Он был старше меня на семь лет. И вот в один прекрасный день, ночью приезжают люди, забирают мужа, устраивают погром в доме, всё перервали. Он был настолько далёк от всего, настолько наивен, что даже сказал мне: "Не бойся, потому что это не только карающий орган, но и защищающий". Вот такую фразу он мне сказал, настолько он был наивен. А потом через три недели ко мне приехали тоже ночью и сказали, что меня берут на свидание с мужем. Я соответственно оделась, а я поджидала его, мне говорили: "Уезжайте, Наташа, уезжайте, вам надо спрятаться". А я говорила: "Что вы!"

Я ещё полотёров приглашу, чтобы полы блестели, чтобы в квартире всё было к приходу Коли." Николая Ивановича, я конечно ждала, ждала всё время. И я была обрадована, что меня везут на свидание к нему. Я соответственно оделась, это был октябрь уже, конец октября, оделась легко: тоненькие чулочки, туфельки на каблуках, лодочки, лёгкое пальто. Меня везли уже прямо в кутузку, прямо в "чёрный ворон", где уже сидели люди, и прямо в тюрьму, в Кресты, сначала на Арсенальной, а потом в Крестах я сидела. Сидела наверное полгода, а потом в тюрьму в Томск. Самое замечательное, Танечка, я работала педагогом, историком. Сначала я работала в Эрмитаже - там помещался музей революции - я там работала, а потом я работала в школе - в первой образцовой школе ленинского района, преподавала там, у меня очень дело шло хорошо, и с учениками был полный контакт, и взаимопонимание, и взаимная любовь. И, что самое примечательное, то что два года назад они меня нашли. Я написала письмо в "Огонёк". Когда меня арестовали, к ученикам пришла педагог из нашей же школы, из какого-то другого класса и сказала: "У вас была педагог Пойгина Наталья Георгиевна - она враг народа, вы должны подписать письмо, которое мы все составили" У них же первая образцовая школа! И там было написано: "Собаке - собачья смерть". И всякие там подписи. "Мы, говорят, к чести нашего класса не только не подписали это письмо, но и три дня в школу не ходили. И от нас отстали." Это ведь был подвиг в то время. Ведь в шестнадцать лет вполне могли взять. И меньших брали. У меня была ученица, мне это рассказывала. И она говорит, что помнит до сих пор как я давала уроки. Говорит: "Мы это дело Дрейфуса, дрейфусианское движение, мы третью республику проходили во Франции, вы

так это давали, что мы все помним это до сих пор!" Она мне рассказала, какие мальчики были потом арестованы, не за и это, нет, по другим поводам, кто погиб на фронте, осталось из них пять-шесть человек.

Я: Где именно вы находились в Крестах?

Н.Г.: Это были камеры, с парашей. В камеру для шести человек нас помещали 26 человек. Мы в очередь спали, мы стояли вот так вот. Это было жутко. И потом, ведь надо сказать, что я была в положении, меня взяли беременную. Я ничего не ела, меня воротило от этой баланды, сказала следователю и он распорядился, чтобы вместо баланды этой мне давали картошку варёную, политую постным маслом. И вот открывалась дверь и бросалась на пол прямо миска - "Беременной" - и захлопывалась дверь. Я и этого не могла. Я наверное полтора года была беременная, потому что они знали, что вот тут есть беременная - и всё. И люди все говорили : "Будь подольше беременной" - хоть нам достанется что! Ну после допроса, конечно, когда он, следователь просил меня подписать письмо, я сказала, что не подпишу. Он сказал - ну вам же ничего не грозит, а вы должны подумать о своём ребёнке. Я говорю: "Чтобы я могла подписать это письмо, я должна удостовериться, что мой муж - враг, вы должны мне это доказать. А я так не подпишу". Он говорит : "Да что вы, Наталья Георгиевна, что вы хлопочете, вы должны думать сейчас только о своём ребёнке. Его уж давно ~~уже~~ нет - он расстрелян". И вот это было причиной моего несчастья - я потеряла ребёнка. У меня был выкидыш, я очнулась в госпитале тюремном. Ну потом в Ленинграде я получила одну записочку от них, от учеников. Конечно, я не могла её сохранить, потому что там всё уничтожали, никаких записок, никаких каран-

дашай - ничего нельзя было. Там они писали, чтобы я не волновалась, что они занимаются с Илей - девочка мужа.

Я: А с кем она осталась?

Н.Г.: А у неё родственников много было, его жены первой было много родственников. Они её взяли, а дальше я ничего не знаю. Потерялась она. Ленонка мне звонит, она уже писать не может - у неё паралич правой руки - она мне звонит по телефону, я ей пишу, но пишу не часто, а она мне отвечает по телефону. Это счастье, что они меня нашли. И потом я получила после этого письма в "Огонёк" письмо от одного товарища, далёкого, далёкого, который где-то в Бузулуке. И он мне написал: "Наталья Георгиевна, неужели это вы та самая Наташа Головченко, с которой я учился правда, не на одном факультете, а у нас были такие общие факультативы - лекция Тарле, у нас были факультативные встречи, но помню, напишите о себе. Помните ли тот снимок, где мы все выпускники снимались под таким плакатом: "Страна должна иметь свои кадры!" Он пишет: "Где эти кадры? Все расстрелянны!" Он тоже был арестован и сослан, мы с ним переписываемся. В Бузулуке он, преподаватель французского языка - он романо-германский кончил", и у него жена, ребёнок, но он бедный занят - огородом, он пишет, что очень тяжко, ничего там нет и что только-только получил реабилитацию.

Я: Когда вы приехали в Томск, там уже кто-то был?

Н.Г.: Да, там уже были. Вот вам этап... Я думаю, что там никого не было, а если были, то уже ушли, потому что нары, которые там были вот такого цвета - чёрные, мы сказали, что мы на эти нары не ляжем. И нам сказали - мы вам дадим кипяток, вон там куб, вот вам вёдра и вот вам стёклышки от бутылок и этими стёклышками, кипятком мы драили вот эти

нары. Так что смешное с трагическим рядом: уж такой пар стоял, такой ор! А эти бараки в Томске, они коридорной системы - такой коридор и как купе, только - первые, вторые, третьи нары, первые, вторые, третьи. И вот мы в этой камере мыли эти нары, и там шум стоял. А этот надзиратель говорит: "Граждане заключённые, скребите каждый в собственном проходе!"

Я: Значит, это всё-таки был первый ленинградский этап?

Н.Г.: Первый, потому что там никого не было, нам дали пустые бараки - мы мыли их.

Я: Сообщение было с тюрьмой, через эту стену?

Н.Г.: В Томске - нет.

Я: А сколько бараков было?

Н.Г.: Пять-шесть что-ли. А тут до того как нас привезли сидел Петя Якир. Потому что Нюся Бухарина была с Саечкой. с Саечкой Якир. И вот мы через эту стену передавали через этих охранников мешки, собирали - у кого хлеба кусочек, у кого сахара, у кого что. И подкупали этого самого охранника и он передавал Пете. Между бараками пространство такое узкое, очень узкий коридор. С нами сидела такая Марминкевич Ида Геннадьевна. Она была очень известным литератором и вот она говорила, что мы сидим как раз в том бараке, в котором сидела Катюша Маслова. Первый или второй барак это был - это я уже не помню. Она была феноменальной памяти - наизусть "Кроткую" нам читала. Очень много там было интересных женщин, таких красивых, интересных. Может быть меня спасло то, что я всегда любила юмор, любила смех, любила жизнь, и сейчас люблю, но за этими трагическими событиями я никогда не упускала какой-то возможности посмеяться.

Пожарник имел право ходить ночью по территории, чтобы никто папиросы не бросил там, чтобы пожара не было. Ходил и ходил. Это было счастье, заходил на кухню. И свои люди, которые дежурили на кухне - была бригада поваров, три или четыре бригады, кто хотел. Каждый себе выбирал работу по душе. Я взяла себе пожарную работу, чтобы ходить воздухом дышать. А некоторые любили кухню, потому что там кушать можно было, придёшь на кухню - они тебе обязательно жареный пирожок дадут, обязательно. И ещё утром тебе твоя порция будет отдана, которая тебе полагается.

Я: Внутри корпусов было какое-то деление на камеры?

Н.Г.: Были в бараке два или три деления на камеры, но это не то деление, как в фюрьме. Но ходить из ~~одной~~ камеры в другую нельзя было, запрещалось. В каждой комнате была староста. И обычно эта староста была стукачом. И ещё был корпусной.

Я: А вы не помните, кто?

Н.Г.: У нас как раз Бельдич была. Она была староста камеры.

Я: А вы всё время были в одной камере?

Н.Г.: Я вот была в этой камере, в одном бараке с Галей Лерхе. Мария Николаевна была в другом бараке /Юнг -М.Т./ Я не знаю, пишет ли она о Элеоноре Максимилиановне Кондиайн. Они очень дружили. Она была с нею. Хотя Норочка была ленинградка, а Мариша была москвичка. А вот потом когда был этап... Вот почему я говорю, что в каждом трагическом... Потому что там были и Косиор жёны и всех украинских обкомовцев и ЦК. Они же все погорели.

Я: А украинских литераторов не было жён?

Н.Г.: Были. Так вот когда формировался этап и нужно было как-то подбирать себе компанию. И вот собрались там Юся Ларина, Якир, Косиор, ещё ленинградки, ещё киевские, харьковские

И вот люди стоявшие там говорят: "Идите, идите сюда. Здесь всё правительство!" Там была элита, да, элита.

Я: А какова эта элита была в обыденной жизни?

Н.Г.: Они себя хорошо вели.

Шапошникова Людмила Кузьминична... Вндающаяся женщина. Помоему это она разглядывала парфюмерию, да? Возглавляла какую-то фабрику, помоему парфюмерную. И она была там выдающейся личностью. Сказать, что она там кому-то сделала вред - это было нельзя сказать. Но просто с ней считались, потому что это была фигура, понимаете. Лоть и фигура нон-грата, но всё-таки фигура.

Я: В лагере она чем занималась?

Н.Г.: Всем тем, чем и мы. Мы дежурили по камере, заметали, в моё дежурство я должна была мыть весь корпус, самообслуживание, дежурство, стирка своего белья. Вот когда день прачечной, все стирают своё бельё.

Я: А в прачечные дни куда-то водили?

Н.Г.: Нет, это всё было внутри.

Я: А баня где была?

Н.Г.: А баня была тоже внутри. Но как правило всегда почему-то была холодная вода. Я помню, когда нас вели из Томска в тюрьму, нас вели какими-то задами, не по центральным улицам, нет. А нас вели как-то по окраинам. Ох, я совершенно отморозила себе ноги, ведь я же в туфельках, мне из дома принесли передачу, перед этапом давали возможность, но мои-то ведь тоже интеллигенты, они не понимают, что такое Сибирь. Они мне прислали фетровые чулки, даже без галош, фетровые, они думали, что это валенки, они не понимали, что это не валенки. И вот в этих чулках фетровых я отморозила ноги. И я уже не могу идти, я побледнела вся, я упала, а

А тут ещё так : "Встать! Сесть! Встать!" Снег, грязь - всё равно сядь, издевательство было. Считали по головам, как кур. Сесть - сели, встать - встали. Охранник говорит солдату : "Товарищ начальник, эта девчонка до лагеря не дойдёт - на меня, : посади её в сани." Посадили меня в сани, а чем закрыли - чемоданами, баулами. Тепло, да? Он говорит: "Ты, девчонка, потерпи, вот мы приедем в Томск, сразу в баню вас, там прогреешься" Я вот этой мечтой жила Слёзы у меня не лились уже, тут была уже наледь от холода, слёзы лились и они замерзали на щеках. И мы приехали в Томск в тюрьму. Приехали и разделись, в предбаннике холодно, ну, думаю, сейчас войдём в баню - будет тепло. И как какой-то злой рок, как специально, вода была как парное молоко, не теплее. Почти холодной водой мылись. Никогда не забуду. Потом нам дали какие-то матрасы, мы легли, мокрые волосы, колодно. Вообще, конечно, издевательство форменное было. Вот так мы приехали в Томск. Потом стали обживать его. У нас в корпусе была своя печурка, кто был истопником, кто был пожарником, кто был кухонным работником. Мы изнывали, без работы было нельзя, мы сидели и вспоминали, надо было чем-то заняться.

Я: А чем занимались кроме работы?

Н.Г.: Стихи говорили друг другу. Рассказывали о жизни, а что можно было говорить? Только не о том, что делается, только не об этом.

Я: А как там дети были?

Н.Г.: Были дети. Вот конечно с детьми обращались они очень хорошо. С детьми был выделен барак, где были кровати, уже не нары, а кровати для матерей с детьми. Они вдвоём спали-мать и ребёнок. Там был ещё как бы мой ребёнок, я ещё

просила, чтобы меня в дежурства назначали туда, потому что там был мой ребёнок, которого я обожала, который меня обожал тоже. Митя. Я ему всё рассказывала сказки, потом, от обеда что-нибудь оставлю, когда я дежурила пожарником, я пирожок оставляла. Детей кормили хорошо. Им даже давали шоколад. Но, опять же, их сохраняли до трёх лет, в лагере. А потом уже отлучали, отправляли в детский дом и всё. И на этой почве многие склонялись с ума женщины. Это второй шок, вторая травма. Первая - когда их взяли из дома, а вторая, когда разлучили с ребёнком. И я была счастлива даже, что у меня ребёнок погиб, потому что я бы не выдержала, я бы не отдала. И вот такие игры у детей : "Давай играть - ты будешь арестованной, а я тебе буду передачку носить." Дети играли так. Или придёт какой-нибудь, такой толстый, важный, три складки вот тут : "Вшивость есть?" Молчание, никто с ним не разговаривает. Маленький подходит, малюточка такая, обхватывает его сапог, заглядывает глазками в его морду и говорит: "Дядя, отпусти мою маму". Это можно пережить? Я до сих пор не могу это без слёз вспоминать.

Я: А вот я знаю одну девочку, которую не отдали в детский дом - она дошла до Яи.

Н.Г.: Я вот не помню этого. Но может быть, и был такой уникальный случай. У нас же был такой случай, когда начальник лагеря украл себе жену из лагеря.

Я: Это как? Из вашего лагеря?

Н.Г.: Из нашего лагеря. Освободил её. Не знаю фамилии. Красивая, с фиалковыми глазами, дивная совершенно. Какая была Нюся Бухарина красивая, это трудно передать. Она была другого типа. Она была такая знойная, восточной красоты она была. А это была блондинка, курносенькая, с фиалковыми глазами.

Дивная, обаятельная. Один день её на перекличке нет, другой день нет - пропала. Увёл её.

Я: А что за начальник?

Н.Г.: Не знаю. Я помню что у нас начальник был, который перлюстрировал всю почту - Турков, вот это я помню. У нас же было очень много полек. Они же когда Гитлер и Риббентроп, когда они в 38 заключили договор, помните? Часть Польши отошла к полякам, а часть к немцам, та часть, которая отошла к немцам, поляки оттуда бежали. Они бежали к нам, а мы их с распростёртыми объятьями прямо в камеру, в тюрьму, в лагерь. Их было там несколько сотен, полек. И тут опять же - в каждой трагедии есть какая-то доля... Когда польки появились, только-только появились эти капюшончики, и наши лагерники называли их "турки" И вот они выстроились в очередь к этому Туркову, а там написано: "Сегодня Турков не принимает". Вы по-польски понимаете, нет? Они читают: "турков сегодня не принимают".

Я: А эти польки они попали тоже за мужей?

Н.Г.: Тоже за мужей. Потому что у одной, например... Вот я очень дружна была с Раечкой, не помню её фамилии. Она еврейка польская. У неё очень интересно: брат в Красной Армии один, другой - у Пилсудского, а папа ксёндз, не ксёндз, а раввин. Ещё там была такая... Почему я их очень люблю и очень хорошо знаю, потому что когда я была механиком швейных машин, я работала в их цехе механиком. И они очень хорошо работали, прекрасно работали. Я не помню из Томска они в Лю попали, или не из Томска. Я их помню по Яе. И вот пани Зоси, жена генерала Сикорского наклонилась - а у неё крестик. Он /видимо начальник -М.Т./ как спросил её: "Что это у тебя?" - "Матка боска." - "Я тебе покажу мать твою разетакую,

матку боску!" Снял с неё этот медальон золотой с золотой цепочкой и крест. Конечно, он ей не отдал. Но обругал её четырёхэтажным. А потом, когда была нота Сикорского. Всё-таки Англия знала, что есть поляки и польки, сидят. Они послали ноту правительству. Нота генерала Сикорского. "Как вы смеете держать поляков, невинных женщин в лагерях!" Их немедленно освободили. Мне Мария Николаевна говорила : "Ты знаешь, почему в нашем лагере были все сливки собраны - потому что наш лагерь был предназначен на уничтожение". А вот после ноты Сикорского уже нельзя было нас уничтожить, потому что это уже был бы мировой скандал, все бы узнали. Так тихонечко пустить в камеры газ и всё. Так начальник лагеря нёс до самого самолёта два чемодана пани Сикорской и подсадил её в самолёт. Тогда нам стало уже легче жить. Ведь тогда была война и они мне написали письмо с дороги. "Наташа, мы едим хлеб полным ртом!" Так они по-русски не могут выразить мысль, что они едят столько хлеба, сколько хотят, что они сыты. "Мы едим хлеб полным ртом". Никогда не забуду это выражение.

Я: Когда вы были в Томске, там были попытки отметить какие-то события, например, Новый год?

Н.Г.: Ни в коем случае, никогда ничего такого не было.

Я: Вы не слышали о том, что была такая концертная бригада, которая ходила по камерам?

Н.Г.: Не было у нас концертной бригады. Вот в Ле было кино. Там показывали "Чапаева". Вот такие картины. Я сидела рядом, причём, в кино попасть, это знаете ли надо было заработать, это была награда. Значит, я сидела рядом как вы думаете с кем? С родной сестрой Якова Свердлова! С Софьей Михайловной. И она мне сказала: "Наташа,/а её дочь - жена Ягоды/, разве

это не парадокс, разве это не идиотизм? Мой брат родной - в Кремле, а я вот, сестра, смотрю в заключении этот фильм".

Я: В Томске вы не помните голодовки Шапошниковой?

Н.Г.: Нет, это я не помню, нет. О ней что-то говорили, но я не знаю, что. Не могу утверждать, что именно голодовка, не знаю.

Я: Вы не помните украинок - жён литераторов? Полищук? Полоз?

Н.Г.: Полищук - помню фамилию. Ничего не знаю о ней, но фамилию помню. Ещё помню, только это не украинец, в Томске сидела жена Киршона // Знаменитейший драматург и писатель.

Потом, со мной сидела, эта московская, Вера Попова, председатель Моссовета был Попов. Вера, красавица была, она со мной сидела вместе в Яе. Галя Лерхе, Попова, Якир, Бухарина, ещё Тухачевские - Лёля и Маша. Они потом ещё были на Яе. Я с ними встречалась, потому что одна из них была механиком швейных машин тоже.

Я: Это Мария.

Н.Г.: Да, значит, Маша. Она потом была в Александров выслана. И вот что она мне сказала. Тогда было как раз очень неспокойное время. Она мне сказала: "Наташа, запомни, когда у меня так хорошо сейчас, я имею мешок картошки, я имею работу, мне хорошо очень, я устроена, не голодая, - непременно что-нибудь будет". Через три дня её опять арестовали, там в Яе.

Я: А в каком цехе вы были на Яе?

Н.Г.: Это была швейная фабрика, где шили бельё.

Я: А номер цеха вы не помните?

Н.Г.: Это я не помню. С польками я сидела, то есть работала.

Я: Это шестой цех был. Есть у нас такая Вера Александровна Веденеева, она была старшим механиком восьмого цеха, а по-

тот она была старшим механиком фабрики и даже вела курсы механиков. Это когда она уже вольнонаёмной была.

Я: Мария Николаевна не вместе с вами работала?

Н.Г.: Нет, мы какое-то время вместе работали, а потом нас разъединили. Мы с ней на нарах вместе были.

Я: А как в Томске было с питанием?

Н.Г.: Там продукты завозили, а специальные кухонные бригады их готовили.

Я: Всё время было тяжело или были какие-то светлые моменты?

Н.Г.: Всё время было тяжело. В Томске было особенно страшно.

В Томске у нас болели пеллагрой и вот я даже вам покажу следы, когда даже начинали гнить кости от голода.

Я: А лечили² Больничка была?

Н.Г.: Больничка была в Яе хорошая.

Я: А в Томске?

Н.Г.: А в Томске я не помню. В Томске ничего не было такого. А в Яе была хорошая больничка, лагерная. А чем нас лечили? Привозили в огромных бочках сосновую воду. Из лесу, настасывали воду на хвое. Хвойный настой мы пили.

Я: И цинга наверное была?

Н.Г.: И цинга была, и пеллагра, и потом ещё у нас давали нам черемшу. Это дикий чеснок. Вот это помогало. В Томске было страшно голодно. Мы бачками выливали за барак эту соевую кашу. Её есть невозможно. Она вызывает тошноту, рвоту.

Я: И только ею кормили?

Н.Г.: В основном, да. Потом, давали кипяток, носили бачки с кипятком, там пайка хлеба. Конечно, без сахара, какой там сахар! Пайка хлеба и кипяток.

Интервью с пойтиной Натальей Григорьевной /Георгиевной/

Сделано в Студии телевидения и радиовещания г.Москвы

Москва 5.II.90 Телефон № 111-90-00
в эфире на канале Центральный телевидения исп. Моргачёва Т.

Сделано в Студии телевидения и радиовещания г.Москвы